

ВОЙНА ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖѢ И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 20 К. НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 14

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916
1 АПРѢЛЯ

Рис. А. Радакова.

ТРИ ЧИСЛА.

20-е число: — Пока я съ тобою дружу, первое мая всегда будетъ первымъ апрѣля.

У НАСЪ ВСЕГДА 1-Е АПРѢЛЯ.

Ну, хоть перваго апрѣля — въ день, когда разрѣшено,
Врите вдосталь, врите щедро, лейте враки, какъ вино!

Выходите на пороги отомкнувшихся дверей
И ревите вольнымъ ревомъ разыгравшихся звѣрей.

Похваляйтесь тѣмъ, что ваши домочадцы, какъ въ раю,
Не насытятся, смакуя долю сладкую свою.

Выходите, папы, мамы: выволакивайте всѣхъ
Ребятишекъ, чтобы міру показать ихъ «бодрый смѣхъ».

Жены сверху, жены снизу, изъ квартиръ и этажей
Выбѣгайте, щеголяя буйной радостью мужей.

Ковыляйте и мужчины, затаивъ на сердцѣ шрамъ
И съ размазанной улыбкой по измученнымъ губамъ.

Выползаите, журналисты, изъ редакцій: полнымъ ртомъ
Увѣряйте, что въ «принципахъ» — весь вашъ «столъ» и весь
вашъ «домъ».

Эй, художники, поэты, и носители идей,
Заполняйте дыры улицъ и прорѣхи площадей,

Шумомъ, гуломъ, визгомъ, звякомъ вашихъ лгущихъ голо-
совъ
Заглушайте правду жизни: къ чорту правду! На засовъ!

Ахъ, хотя бы ввали смачно, ввали смѣло, какъ борцы,
Если правды ваши дрянны, какъ гнилые огурцы.

Пусть хоть этотъ лживый праздникъ будетъ веселье, будетъ
пьянъ,
Пусть хотя въ одномъ обманѣ надоѣсть и вамъ обманъ.

Выходите жъ, выбѣгайте, выползаите, господа:
Будемъ врать, чтобы ужъ навратъся намъ сегодня на года...

И, авось, настанетъ чудо! Солнце къ завтраму взойдетъ
И увидитъ: кто-то, гдѣ-то — дышитъ, смотритъ... и не
вретъ!
Ал. Вознесенскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Китайская безцеремонія.

Къ длинному списку обязанностей гостеприимнаго китайскаго хозяина прибавился еще одинъ номеръ для занятія скупающихъ гостей:

Кульджа. — Получены слѣдующія свѣдѣнія изъ Урумчи:

„Партія офицеровъ Юньнанской провинціи устроила заговоръ съ цѣлью обезглавить урумчинскаго генераль-губернатора, захватить власть въ свои руки и объявить независимость Синьцзянской провинціи.

Генераль Янь, освѣдомившись о заговорѣ, пригласилъ, не подавая вида, заговорщиковъ на официальный обѣдъ, во время котораго велѣлъ по одному выводить и казнить всѣхъ 10 офицеровъ.

Послѣ казни никакихъ беспорядковъ не было.

Какіе же тутъ беспорядки. Наоборотъ, гости расходились, весело смѣясь, отдавая должную дань находчивости и остроумію высокопоставленнаго лица.

Многіе приступили.

Каждое событіе можно освѣтить такими лучами, что даже вырѣзанной семьѣ изъ 7 душъ позавидуешь.

Газета „Бессарабець“ дѣловымъ языкомъ повѣствуетъ, что въ Кишиневѣ:

Нѣтъ дровъ, и по ночамъ то и дѣло съ тротуаровъ исчезаютъ тумбы. Многіе приступили къ рубкѣ акацій и чужихъ заборовъ.

Такъ сравнительно легко и быстро умѣютъ справляться съ дровянымъ кризисомъ въ провинціи.

Въ „Земщинѣ“ нѣтъ людей.

За подписью издателя Н. Е. Маркова и редактора С. Глинки внизу, въ „Земщинѣ“ стоитъ своеобразное заявленіе во всю ширину газетнаго листа:

„СВОБОДА ПЕЧАТИ“.

Въ Гос. Думѣ требуютъ отмены цензуры для жидовскихъ газетъ, а русскія газеты подвергаются упрощенной цензурѣ кагала, — намъ нельзя говорить. Вотъ уже третій день некому набирать.

Странно. Набирать субсидіи есть кому, а набирать газету некому. Бѣдная „Земщина“. Ей непременно надо выходить. Вѣдь всякій врачъ скажетъ, что изъ здороваго тѣла вся гниlostная матерія должна выходить наружу.

Въ письмахъ оказывалась записка со слѣдующимъ стихотвореніемъ:

Если хочешь жить легко,
И быть къ Богу близко,
Держи сердце высоко,
А головку низко.

Или такъ:

„Весь секретъ земного счастья — никогда не унывать.
Что бы съ вами ни случилось — говорите: наплевать“.

Адресаты, однако, не вняли этому, поистинѣ, мудрому совѣту, а просто-напросто заявили полиціи.

А полиція, она извѣстно что, она — бяка.

Въ почтамтѣ установили дежурство, и получательницею наложенныхъ платежей за „дорогой мудрой совѣтъ“ оказалась особа, назвавшаяся М. Ф. Бобровою.

Ее арестовали.

Трудно жить поэту при нашемъ полицейскомъ режимѣ.

„Уныніе — смерти подобно“.

Нѣкто хвастался:

— Я ему весь кулакъ въ кровь разбилъ объ мою щеку.

Въ послѣднемъ номерѣ „Zukunft“ М. Гарденъ обращается къ четверному согласію съ „послѣднимъ предостереженіемъ“. „Германія, — говоритъ онъ, — не желаетъ разорять Европы, несмотря на одержанную побѣду. Она предлагаетъ противникамъ почетный и прочный миръ. Германія согласна на ограниченіе вооруженій. Если враги Германіи не примутъ этого соглашенія, тогда Германія ни съ кѣмъ считаться не будетъ. Если Европѣ суждено истечь кровью, Германія желаетъ назначить часть ея гибели“.

Бѣдный Гарденъ!

Плачетъ, а пишетъ.

Бываетъ...

Послѣ того, какъ русскаго министра желѣзная дорога завезла не въ тогъ городъ, куда онъ хотѣлъ — насъ, пожалуй, ничто не удивитъ.

Даже это:

Уполномоченный по закупкѣ хлѣба въ Донской Области г. Кирилловъ сообщилъ министерству земледѣлія, что онъ выписалъ черезъ канцелярію главноуполномоченнаго по закупкѣ хлѣба приборы для пробы зерна, но вмѣсто нихъ получилъ... нѣсколько экземпляровъ Евангелія на нѣмецкомъ языкѣ.

Если бы это было не Евангеліе, мы бы высказали нѣсколько своихъ соображеній.

Ея стиховъ плѣнительная сладость.

Если поэта затираютъ редакціи — онъ долженъ самъ нащупывать пути для популяризаціи своего творчества:

За послѣднее время на имя разныхъ лицъ стали поступать по почтѣ заказныя письма съ наложеннымъ платежемъ въ три рубля.

На конвертахъ значилось, что отправительницей является М. Ф. Боброва.

Адресъ былъ указанъ „Главный почтамтъ, до востребованія“

Гифлисское.

Нѣкоторыя дамы, вѣдучи съ молодымъ человѣкомъ на извозчикѣ, терлютъ голову.

Одна тифлисская дама отдѣлалась легче. Въ „Тифлискомъ Листкѣ“ помѣщено слѣдующее объявленіе:

12 февраля на извозчикѣ былъ забытъ дамскій ботинокъ съ лѣвой ноги; нашедшаго просятъ доставить за вознагражденіе по адресу.

Знаменательно, что ботинокъ потерянь съ лѣвой ноги. Недаромъ провинціальныя ловеласы говорятъ:

— Лѣвая нога ближе къ сердцу.

Хи-хи.

Торжество.

Θеодосійская городская управа отнынѣ извѣстна тѣмъ, что она лѣвой ногой сморкается, лаптемъ щи хлебаетъ и головой ворота подпираетъ, чтобы ноги со двора не ушли:

Таврич. ученой архивной комиссіей выяснено, что Θеодос. гор. управой въ 1909 году торжественно сожжены сланный ей на храненіе цѣлный архивъ Θеодос. г. адоначальства. До такого вандализма могла дойти только наша управа, оставившая такимъ образомъ, послѣ себя „слѣдъ“ въ археологіи.

Архивъ сожженъ „торжественно“. Есть люди, которыхъ хорошо бы столъ же торжественно и публично высѣчь на базарной площади.

Хлопотъ полонъ ротъ.

Заботы о благѣ населенія, это главное:

Ростовскій-на-Дону градоначальникъ издалъ новый приказъ, которымъ воспрещается студентамъ носить фуражки съ уменьшенной тульей.

Слѣдующій приказъ ростовскаго градоначальника — о порядкѣ печенія пироговъ обывателями въ воскресные и праздничные дни.

КРИКЪ ВЪ НОЧИ.

(Отрывки изъ рѣчи депутата В. В. Милютина. Стенографическій отчетъ.)

Задачи дипломатіи до войны сводятся къ предупрежденію самой войны, во время войны — къ облегченію условій ея веденія и послѣ войны — къ закрѣпленію достигнутыхъ боевыхъ успѣховъ и обезпеченію сгранъ прочнаго и почетнаго мира.

*

До войны мы не разъ слышали о русскихъ дипломатическихъ агентахъ за границей, почти не говорящихъ по-русски, грубыхъ и не знакомыхъ съ экономическими интересами Россіи. Такіе рассказы приходится слышать и сейчасъ. Я не знаю, многія ли изъ этихъ лицъ носятъ нѣмецкія фамиліи, но всѣ они, эти неудачники, и русскіе и нѣмцы, должны быть замѣнены болѣе подходящими людьми, знающими и любящими Россію.

*

— Что касается отвѣтственныхъ постовъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, — хотѣлось бы, чтобы на этихъ мѣстахъ стояли лица, пользующіяся, если не всеобщимъ довѣріемъ, то хотя бы уваженіемъ, чтобы у власти не стояли люди, находящиеся подъ подозрѣніемъ явнаго или скрытнаго германфильства. Слишкомъ много въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ лицъ съ нѣмецкими фамиліями, думающихъ по-нѣмецки и переводящихъ съ трудомъ на русскій языкъ свои нѣмецкія мысли. Такіе люди не могутъ быть хорошими русскими дѣятелями и, однако, многіе изъ нихъ занимаютъ самые отвѣтственные посты.

— Вы, господа русскіе нѣмцы, — не судите насъ строго въ такую минуту за это недоувѣріе къ вамъ, къ вашимъ фамиліямъ. Вы поль-

зовались у насъ такими преимуществами, что самъ Суворовъ просился въ нѣмцы. Мы любилъ васъ, вѣрили вамъ, и потому намъ было такъ горько и тяжело, что между вами оказались предатели.

Намъ трудно сейчасъ отказаться отъ подозрѣній, когда вся Россія по вашей винѣ одѣта въ трауръ и русской кровью залиты поля и лѣса, по которымъ пришла въ сердце Россіи германская армія. (Возгласы одобренія).

— Отойдите же на время отъ отвѣтственныхъ постовъ, отъ власти, дайте намъ покойнъ, окончить войну, не опасаясь новаго удара въ спину. Послѣ войны мы будемъ въ силахъ разобраться, опѣнить ваши жертвы и ваши страданія, вознаградить за нихъ и сохранить за всѣми вами довѣріе до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается явной новая измѣна когонибудь изъ васъ. Вотъ почему мы радуемся всякому назначенію лица съ русской фамиліей.

*

— И при будущей конференціи, — наши дипломаты обыкновенно тшеславятся своей индифферентностью и безпристрастіемъ къ русскимъ интересамъ — слѣдъ вало бы брать примѣръ съ англійскихъ и германскихъ дипломатовъ. О нихъ въ свое время далъ свой отзывъ и Бисмаркъ, сказавшій: „Не могу я быть болѣе русскимъ, чѣмъ эти господа“.

Что если и на этотъ разъ Россія будетъ продана? Господинъ министръ иностранныхъ дѣлъ, штыки сдѣлала свое дѣло, подготовьте же и вы свое вѣдомство для предстоящей великой задачи, не погубите Россіи!

СЪРЕНЬКІЕ.

И у субъекта съ мозгомъ, изъѣденнымъ бухгалтеріей,
 Могутъ родиться мечты поэта!
 И ему можетъ показаться мистеріей
 Полдень жаркаго лѣта.
 И ему женское тѣло
 Говорить не только о вождельніи и платѣ,
 И ему, быть можетъ, надоѣло
 Служить въ пробирной палатѣ!
 Господинъ поэтъ! Съ высоты Парнаса,
 Не посылайте этимъ господамъ плевочки,
 Господинъ поэтъ! Вдругъ эта сѣрая масса
 Не нуждается въ такой примочкѣ!
 Комбинаціи всевозможныхъ вождельній,
 Выкристаллизовавъ въ поэмы и сонеты
 Ты говоришь, — «я Геній,
 И тѣ, сѣренькіе, мной отпѣты.

Въ моемъ мозгу много стрѣлъ разящихъ,
 Въ моей душѣ грозы и вѣсны,
 А тѣ, хранители исходящихъ и входящихъ
 Тупы, трусливы, косны!..»
 Господинъ поэтъ! Вы свѣтите стихійнымъ пожаромъ,
 Передъ вами эти людишки,—головешки тлѣнія!
 Но посмотрите, какъ между беременной женой и само-
 варомъ,
 Хлюпая носомъ, они читаютъ ваше стихотвореніе.
 Изъ двадцатыхъ рукъ съ жадностью взятое.
 Не плюйте же, не дѣлайте изъ сѣренькихъ плеватель-
 ницы, не надо.
 Вѣдь трагично быть соловьемъ безъ пѣнія.
 Вы кумиръ, а вѣдь для нихъ только и есть «двадцатое»!
 А. Радаковъ.

„ЧЕЛОВѢКЪ-ОБЕЗЬЯНА“.

I.

Уродство цѣнится въ человѣческомъ мірѣ, какъ и всякое другое отличіе. Надо только сумѣть преподнести свое безобразіе обработаннымъ, законченнымъ, выпуклымъ и кричащимъ.

Антонъ Красавцевъ понялъ это и устроился въ жизни, если не блестяще, то во всякомъ случаѣ недурно. Въ ресторанчикѣ, гдѣ собирались артисты «легкаго жанра», Красавцева считали счастливецомъ.

Даже завидовали ему!

— О, я бы охотно помѣнялся съ Антошей Красавцевымъ! — говорилъ хорошенькій краснощекій гимнастъ Иванини.

— Да и я бы, пожалуй, помѣнялась! — подтверждала исполнительница цыганскихъ романсовъ Закатова, стройная, изящная женщина съ томнымъ взглядомъ.

Посторонній посѣтитель артистическаго ресторанчика, подслушавъ эти разговоры и взглянувъ на Красавцева, ужаснулся бы. Молодые, красивые люди завидовали уроду!

Но въ средѣ артистовъ эта зависть не вызывала удивленія. Здѣсь знали цѣну не только красотѣ, но и безобразію. Здѣсь было извѣстно, что Антонъ Красавцевъ никогда не остается безъ ангажемента, что его «марка» выше «марки» пѣвицы, балерины и даже куплетиста, что его успѣхъ у

публики проченъ, ибо смѣшное останется смѣшнымъ навсегда и безобразію не страшна даже старость.

Зналъ себѣ цѣну и самъ Красавцевъ.

— Антонъ Красавцевъ, человѣкъ-обезьяна... — такъ рекомендовался онъ новому знакомому.

«Человѣкъ-обезьяна» — таково было амплуа Красавцева на сценѣ.

Единственнымъ его талантомъ, единственнымъ достояніемъ и единственнымъ ремесломъ его было — уродство. Репертуаръ его состоялъ изъ смѣшныхъ ужимокъ, уморительныхъ кривляній, простенькихъ танцевъ и неуклюжихъ прыжковъ. Но каждымъ движеніемъ и каждымъ жестомъ онъ подчеркивалъ свое уродство. Немножко туши въ каналахъ морщинъ, немного бѣлилъ вокругъ глазъ, черный лакъ на зубахъ, и физиономія «человѣка-обезьяны» превращалась въ фантастически безобразную рожу, въ чудовищную маску. Если бы онъ ничего не исполнялъ, а только показывался на сценѣ, онъ и тогда «укладывалъ» бы смѣшливую публику маленькихъ театриковъ своимъ феноменальнымъ уродствомъ.

«Человѣкъ-обезьяна» былъ доволенъ собой и своей участью.

Зачѣмъ понадобилось судьбѣ разрушить маленькое счастье «человѣка-обезьяны»?

Такова судьба человѣческая. Ей вдругъ надоѣдаетъ идти по рельсамъ послѣдовательности, и она начинаетъ выкиды-

вать колѣнца, творить каверзы съ безудержностью шалуна мальчишки, пользующагося полной свободой и безнаказанностью.

II.

Вотъ что, по волѣ судьбы, случилось съ «человѣкомъ-обезьяной».

За сценой театра «Чудо-юдо» въ узенькомъ коридорчикѣ столкнулся онъ съ Женей Лялиной.

Антонъ Красавцевъ былъ застрахованъ отъ увлеченій женской красотой. Сознанное и признанное уродство — развѣ не лучшая страховка отъ искушеній красоты? А «человѣкъ-обезьяна» не только примирился со своимъ безобразіемъ, но даже благословилъ его, сдѣлавъ изъ него профессию. «Это не для меня!» — развѣ навсегда сказалъ онъ себѣ. Утѣшеніемъ же были лавры единственнаго въ своемъ родѣ артиста и хорошаго заработка.

Поэтому при встрѣчѣ съ хорошенькой женщиной Красавцевъ любилъ выставить свое уродство во всей его пышности. Ему нравилось испуганное «ахъ» и смущеніе женщинъ. Особенно смѣлыми становились его шалости при встрѣчахъ съ артистками; вѣдь, артистка — товарищ и не обидится.

Такъ поступилъ Антонъ Красавцевъ и на этотъ разъ.

Столкнувшись съ Лялиной, онъ широко разставилъ свои длинныя руки, раскрылъ ротъ съ черными зубами и полузакрылъ свои узенькіе водянистые глазки.

— Ахъ, обезьяна! — крикнула Женя Лялина, отскочивъ.

Впрочемъ, она сейчасъ же сообразила, кто это чудовище, и весело разсмѣялась.

— Человѣкъ-обезьяна, здравствуйте! Мы, вѣдь, съ вами выступаемъ сегодня въ одной программѣ! А меня зовутъ Женя Лялина, балерина... Какой вы смѣшной! Я подумала, что настоящая обезьяна въ сюртукѣ и шляпѣ!

Онъ не обидѣлся. Даже, напротивъ, былъ польщенъ.

— Тѣмъ торгуетъ, красавица моя! — сказалъ «человѣкъ-обезьяна». — У васъ, дуся, красота, а въ нашемъ торговомъ домѣ — безобразіе. Разныя специальности, такъ сказать, и конкурентами мы не будемъ.

Женя Лялина весело разсмѣялась.

— Конкурентами!.. Я и онъ!.. Какой смѣшной!.. Конкурентами!..

Женя Лялина была увѣрена въ своей красотѣ такъ же твердо, какъ Красавцевъ въ своемъ уродствѣ. Ей было всего восемнадцать лѣтъ, но она могла уже отпраздновать десятилѣтіе своей артистической дѣятельности. Съ семи лѣтъ на виду, передъ толпой зрителей, подъ нервными лучами направленнаго на нее рефлектора, она привыкла сознавать и цѣнить свою стройную фигурку и прелестное личико. Сначала въ труппѣ дѣтскаго балета, потомъ солисткой на сценѣ маленькихъ театриковъ Женя Лялина успѣвала, благодаря не таланту и искусству, а только очаровательной внѣшности. Какъ уродство для «человѣка-обезьяны», такъ для Жени Лялиной красота была ея талантомъ, ея богатствомъ и ремесломъ.

Молодая танцовщица была живой эцентричной дѣвушкой, по-дѣтски смѣшливой и безстрашно-правдивой: что о комъ думаетъ, прямо въ глаза скажетъ.

— Какой смѣшной! — повторила она. — Я и онъ!.. Представляю себѣ... конкуренты!.. Вотъ, если бы намъ выступить въ дуэтѣ!.. А? Что вы на это скажете, господинъ человѣкъ-обезьяна?

«Человѣкъ-обезьяна» ничего не сказалъ. Но въ мутныхъ глазахъ пронеслась странная искорка. Ушелъ онъ на этотъ разъ обыкновеннымъ человѣческимъ шагомъ, безъ ужимокъ и гримасъ, тихо и дѣловито.

Представленіе въ театрѣ «Чудо-юдо» прошло въ тотъ вечеръ особенно удачно. Женя Лялина выступала первой. Ей шумно аплодировали и заставили биссировать, просто для того, чтобы подольше любоваться ея стройной фигуркой и яснымъ личикомъ.

Когда же послѣ красавицы танцовщицы на сценѣ показались «человѣкъ-обезьяна», оглушительный хохотъ раздался въ залѣ. Никогда еще безобразіе Красавцева не было преподнесено такъ эффектно, на фонѣ еще не разсѣявшагося впечатлѣнія, оставленнаго изящной балериной.

А послѣ спектакля, провожая Лялину домой, Антонъ Красавцевъ серьезно и возбужденно говорилъ:

— Ахъ, красавица, какую замѣчательную мысль вы высказали!.. Дуэтъ... Я и вы въ дуэтѣ... Да, вѣдь, это будетъ грандіозно!.. «Человѣкъ-обезьяна и живой херувимъ!» Вы понимаете, дуся моя, что это будетъ за номеръ?.. Да, вѣдь, хозяева переделутся, чтобы заполучить такой дуэтъ! О, вы должны подумать объ этомъ серьезно, красавица моя!

— Хорошо, — отвѣтила Женя.

— Общаете подумать?

— Ничего не думать! Вотъ еще! Я сказала «хорошо», значитъ, я согласна! А ужъ думать это ваше дѣло, господинъ «человѣкъ-обезьяна»!

— О, если такъ, мы завтра не пойдемъ работать! — восторженно крикнулъ Красавцевъ. — Къ чорту! И контрактъ къ чорту! Все равно, неустойку заплатимъ! Время дорого! Намъ надо подготовить «номеръ»!

— Хорошо, — согласилась Лялина.

III.

Въ теченіе недѣли Антонъ Красавцевъ и Женя Лялина нигдѣ не показывалась, усердно готовясь къ выступленію въ дуэтѣ.

Въ артистическомъ ресторанчикѣ среди артистовъ, агентовъ и хозяевъ «театровъ-миніатюръ» въ теченіе этой недѣли только и разговору было, что объ этомъ удивительномъ союзѣ уроды съ красавицей. Новому дуэту предсказывали огромный успѣхъ, и хозяева оспаривали другъ у друга честь и преимущества перваго дебюта новаго небывалаго «аттракціона».

Что произошло между «человѣкомъ-обезьяной» и красавицей танцовщицей въ теченіе этой недѣли, никто не зналъ. Но когда въ самый день перваго выступленія они вмѣстѣ пришли въ ресторанъ, всѣ сразу замѣтили что-то новое въ Антонѣ Красавцевѣ, что-то неуловимое, но въ то же время сразу поражающее въ его улыбкѣ и жестахъ.

Женю Лялину здѣсь мало знали, такъ какъ раньше она не бывала въ ресторанѣ. Ее разсматривали съ любопытствомъ и сразу рѣшили:

— Она влюблена!.. Посмотрите, она не отводитъ отъ него взгляда!.. Чортъ возьми, бываютъ же такія чудеса!..

Вечеромъ въ театрѣ «Колоссаль», гдѣ былъ назначенъ дебютъ новаго дуэта, пришли всѣ артисты, не занятые въ другихъ мѣстахъ. Театръ былъ полонъ. Привлеченные опромными ярко-раскрашенными плакатами, жаждущіе забавнаго зрѣлища, жители предмѣстья заполнили огромный

Рис. В. Л.

Пробный шаръ Вильгельма о мирѣ.

заль театра и съ нетерпѣніемъ ждали начала «дивертис-мента».

И вотъ, наконецъ, послѣ картинъ и обычныхъ «номеровъ», вышли на сцену Красавцевъ и Лялина. Онъ — во фракъ съ волочащимися по полу фалдами и длинными, до колѣнъ, рукавами. Она въ легкомъ кружевномъ платьицѣ балерины.

Въ публикѣ прошло движеніе, но никто не разсмѣялся. Только насторожились, приготовились.

Опытный взглядъ сидѣвшихъ въ публикѣ артистовъ уловилъ смущеніе на лицѣ «человѣка-обезьяны». Онъ ждалъ привычнаго взрыва хохота, и молчаливое ожиданіе публики поразило его.

Было замѣтно, какъ Красавцевъ сдѣлалъ усиліе надъ собой, приободрился и, чтобы спасти свою карьеру, сразу перешелъ къ боевому номеру репертуара.

Этотъ «гвоздь программы» заключался въ возвышенномъ монологѣ «человѣка-обезьяны». Когда-то, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Антонъ Красавцевъ выступалъ въ дуэтѣ съ безобразно старой неприяжкой, и торжественное признаніе въ любви, которое онъ произносилъ съ обезьяньими ужимками вызывало гомерическій хохотъ. Этотъ номеръ возобновилъ «человѣкъ-обезьяна» въ дуэтѣ съ Женей Лялиной и былъ увѣренъ, что выйдетъ еще забавнѣе.

Онъ опустился на колѣни и, размахивая огромными руками, началъ;

— О, прекрасная принцесса! О, божественная красавица, мечта моей души! Посмотри на меня, я у ногъ твоихъ, я молю тебя отвѣтить на горячую любовь мою! Я, молодой, стройный, очаровательный — развѣ не достоинъ я твоей любви?..

Здѣсь слѣдовала пауза, для того, чтобы дать публикѣ время поохотатъ надъ смѣшнымъ «человѣкомъ-обезьяной», воображающимъ себя очаровательнымъ красавцемъ.

Но публика не разсмѣялась.

Антонъ Красавцевъ прислушался, затянулъ паузу, осторожно заглянулъ на публику первыхъ рядовъ, уловилъ на лицахъ какую-то искривленную улыбку, не то смущенную, не то жалостливую и, почувствовавъ, что онъ тонетъ, что спасенія нѣтъ, почти не сознавая того, что дѣлаетъ, вскочилъ, засучилъ свисающіе рукава, бросилъ ужимки и произнесъ конецъ монолога серьезно, горячо, будто играя въ драмѣ.

Подъ жиденькіе аплодисменты ушли Красавцевъ и Лялина со сцены.

— И что тутъ смѣшного! — роптали въ публикѣ. — Назвался «человѣкомъ-обезьяной», а обезьяньего въ немъ ничего. Такими обезьянами мы и сами можемъ быть!

— А въ глазахъ у него даже такой красивый огонекъ! — прибавляли дамы. — Почему «обезьяна»? Человѣкъ, какъ всѣ и даже симпатичный!

Въ теченіе десяти лѣтъ Антонъ Красавцевъ былъ общепризнаннымъ «человѣкомъ-обезьяной», а въ одинъ прекрасный день превратился въ человѣка, какъ всѣ, и даже симпатичнаго. Это было ударомъ, концомъ карьеры, насмѣшкой судьбы.

И сдѣлала это — любовь!

Сознанное и признанное уродство — превосходная броня отъ стрѣлъ любви и вѣрная страховка отъ искушеній красоты.

Но если стрѣлы любви, пробивъ броню, проникаютъ въ сердце урода, разлетается вдребезги вся броня, и въ пожарѣ любви сгораетъ само уродство. Кто полюбилъ, тотъ сталъ красивымъ. Въ этомъ сладкое утѣшеніе для всѣхъ уродовъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ уродство кормитъ.

Ю. Волинъ.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу
пятый томъ пьесъ

Аркадія Аверченко

„БЕЗЪ СУФЛЕРА“.

Между прочими пьесами: „Дѣточка“, „Женщина, достойная уваженія“, „По-хорошему“ и др.

ТОЧИЛЬЩИКЪ.

Закрываются хлѣбныя и овощныя лавки,
Ушла послѣдняя торговка прочь, —
Солнце не уберегло золотой ставки,
Все заграбила съ кона черная ночь.

Жадной лапой червонецъ къ червонцу
Воровато спрятала въ бездонный карманъ,
А солнцу не жаль — утромъ же къ солнцу
Новый прибудетъ золотой караванъ.

Въ каменныхъ веригахъ городъ-подвижникъ
Къ ночи умѣрилъ протяжный гулъ.
Костлявымъ хребтомъ на мостовой булыжникъ
Упалъ и къ небу лицомъ уснулъ.

Въ окнахъ погасло, да уже и пора вѣдь,
Врылся въ тучу серебряный кротъ,
«Точить ножи-ножницы, бритвы править!..»
Въ сонной безмолвности точильщикъ поетъ.

Справа и слѣва заржали ворота,
Саломъ немазанная десятка лѣтъ,
Люди вышли, вынесли что-то,
На чемъ загорѣлся мѣсячный свѣтъ.

Мужчины и женщины, старики и дѣти —
Никто подъ одѣялами остаться не могъ,
Не знакомые другъ другу, въ лунномъ свѣтѣ
Окружили точильщика и его станокъ.

«Серпъ-работникъ — минувшимъ лѣтомъ
«Ладно рѣзалъ спѣлую рожь —
«Вѣруй слову — по всѣмъ примѣтамъ
«Будетъ еще хозяину гождь.

«Твой — сапожный — тоже наточимъ,
«Ничего, что коротокъ — давай его,
«Шепну тебѣ на ухо, между прочимъ:
«До любого сердца — вершокъ всего!..»

Вертятся колеса юрки и быстры,
Сталь на всю улицу подняла визгъ,
Въ бороду точильщику брызжутъ искры,
Въ небѣ догадывается лунный дискъ.

«Точить ножи-ножницы, править бритвы!» —
Точильщикъ поетъ у каждыхъ воротъ,
А на юго-западѣ зарево битвы
Скалится изъ-за крышъ кровавый ротъ.

Тамъ и тамъ стонутъ ворота,
Саломъ немазанная десятка лѣтъ,
Люди выходятъ и выносятъ что-то,
На чемъ вспыхиваетъ лунный свѣтъ...

Старый точильщикъ ходитъ и точить,
Изъ улицы въ улицу переходитъ онъ,
А городъ не вѣритъ и вѣрить хочетъ
Въ свой бредовой и прекрасный сонъ.

Валентинъ Горянский.

СЪМЕНА.

Говорятъ, въ тиши ночной, Марковъ 2-й становится на колѣни, молитвенно складываетъ руки, устремляетъ взоръ въ высь и шепчетъ:

— Благодарю Тебя, Господи, что Ты создалъ іудеевъ!

* * *

— Что такое блокъ?

— Блокъ — такое колесико, по которому скользятъ веревка съ подвѣшеннымъ на ней кирпичемъ, своей тяжестью захлопывающимъ дверь.

И. Г.

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА.

Это было раньше.

Часто на лѣстницахъ домовъ, гдѣ парадные входы мелкихъ квартиръ путались съ черными большихъ, можно было перваго апрѣля встрѣтить молодыхъ людей съ трясущимися отъ внутренняго смѣха губами, съ разстегнутымъ на ходу пальто и что-то шепчущихъ.

«Есть, есть... — думаль такой человекъ, отыскивая звонковую кнопку у дверей. — Скажу, что кто-нибудь застрѣлился... Вотъ здорово-то...»

Едва ему открывали дверь, онъ, еще не раздѣвшись, начиналъ изъ прихожей съ сияющимъ лицомъ.

— А у меня новость... Ежицынъ застрѣлился...

— Барыни нѣтъ, — вѣжливо предупреждала кухарка, — а барина тоже нѣтъ. Никого нѣтъ. Только я, да Настя.

— Какая Настя?

— Сусѣдская. Дочка у ней письмо получила, такъ она пришла. Въ однихъ прислугахъ живетъ.

— Такъ нѣтъ, значить? — разочарованно спрашивалъ гость, — жаль... Ну, я подожду... Пригони-ка мнѣ чайку немного... Вотъ незадача-то...

Гость оставался дожидаться хозяевъ, перелистывая всѣ семейные альбомы, пересматривая ноты, удачно замѣнявшія въ небогатой семьѣ пианино, изрѣдка вскакивалъ и въ волненіи ходилъ по комнатамъ.

— Вотъ такъ поднадую... Вотъ смѣяться потомъ будемъ...

Онъ уже измѣнялъ нѣсколько разъ рѣшеніе оповѣстить о преждевременной смерти Ежицына.

— Еще напугаешь... Скажу, что Ирлакинъ развелся... Это вотъ здорово.

Лицо у гостя было глупое, жалованья получалъ онъ немного и любилъ читать сенсационные романы въ газетахъ. Поэтому къ нему всѣ относились, какъ къ голубю на подоконникѣ: прилетѣлъ — улыбаются, улетѣлъ — никому не жалко.

Услышавъ царапанье французскаго ключа у двери, гость вскакивалъ, поправлялъ галстукъ и встрѣчалъ хозяевъ радостнымъ крикомъ.

— А у меня новость! Ирлакины разводятся...

Хозяинъ дома здоровался, медленно снималъ кашнэ, вытиралъ усы и спокойно замѣчалъ.

— Не могутъ они разводиться. У нихъ и свадьба отложена.

На гостя это дѣйствовало ошеломляюще.

— Какъ отложена? — разсѣянно спрашивалъ онъ. — А мнѣ Ежицынъ говорилъ.

— Вреть вашъ Ежицынъ — увѣренно отвѣчалъ хозяинъ, — вообще онъ картежникъ и глупъ.

— А онъ, кстати, застрѣлился вчера, — искоса поглядывая на хозяевъ, вралъ первоапрѣльскій гость.

— Ежицынъ? — удивлялась хозяйка, — да мы его кажется вчера же и видѣли... Ну, конечно... На трамваѣ вмѣстѣ ѣхали.

— А онъ застрѣлился... — обиженно настаивалъ гость.

Нѣсколько минутъ осторожно молчали. Гость, которому во что бы то ни стало хотѣлось обмануть хозяевъ, напряженно выдумывалъ и нечленораздѣльно передавалъ результаты этой сложной, хотя и безответственной работы.

— А третьяго дня... Нѣтъ шесть дней, кажется... Першуковъ одиннадцать тысячъ... Того... Выигралъ.

— Третьяго дня я ему пять рублей одолжилъ, — коротко парировалъ хозяинъ, развертывая газету, — врете.

— Съ нихъ и выигралъ, — хватался за послѣднюю надежду гость, — честное слово...

— Не бываетъ этого.

— Ну, не скажите. Мнѣ объ одномъ человекѣ рассказывали. Продавъ какой-то хламъ, а съ десяти рублей...

— Обѣдали?

— Мерси. А у меня новость...

— Когда обѣдаете?

— Мерси. А у меня новость. Женюсь. Право, право. Честное слово.

— А какъ же Лебицкая?

— А вы вѣрите? Честное слово женюсь.

— Врете вы все. Вы не знаете, гдѣ можно хорошей табакъ...

— Не знаю. А у меня новость... — тупо твердилъ гость, чувствуя, что отъ большой внутренней обиды могутъ выступить слезы. — Большая новость. Я въ Каиръ уѣзжаю.

— Не уѣдете. Впрочемъ... — хозяинъ рѣшительнымъ жестомъ ныряетъ въ газетный листъ. — Какъ сообщаетъ нашъ корреспондентъ... Отъ собственнаго... Впрочемъ, поѣзжайте. Тамъ тепло. Тамъ кокосовые орѣхи дешевы.

Гость съ натянутымъ смѣхомъ срывается со стула и хлопаетъ въ ладоши.

— Съ первымъ апрѣля... Поздравляю... И никуда не ѣду. И въ Каиръ не ѣду. И никакихъ кокосовыхъ орѣховъ...

— Такъ я же знала, — ласково останавливаетъ хозяйка. — Я знала, что вы такъ все это... Сижу, а сказать неудобно. Первое апрѣля — всякій лжетъ...

Уходитъ гость хмурый, съ чувствомъ накапливающей злобы и, сходя съ лѣстницы, думаетъ.

— Бегемоты толстолапые... Обманешь ихъ. Имъ бы скатерть прожечь, тогда повѣрили бы... Обыватели... Пианино купить не могутъ... Свиньи шестиэтажныя.

* * *

Настало другое время. Черезъ длинныя эпохи безвѣрія, суровыхъ неожиданностей и робости передъ жизнью — стали вѣрить всему. И еще труднѣе стало обмануть кого-нибудь и чѣмъ-нибудь перваго апрѣля.

Молодые люди, подымаясь по лѣстницамъ, думаютъ объ обманахъ безъ внутренней радости и безъ сладкаго трепета удачнаго обмана. Врутъ злобно, холодно, срывая на людяхъ, къ которымъ идутъ, собственную тяготу.

— Дома барыня? Скажите, что я пришелъ. Фамилію? Что я въ первый разъ что ли, дура.

— Это вы, Николай Сергѣичъ?

— Я, я. Здравствуйтесь. Холодно у васъ и квартира темная. Неуютно.

— Нѣтъ другихъ. Семьдесятъ пять съ дровами.

— А у меня новость — по первоапрѣльскому обычаю, но холодно и безъ улыбки начинаетъ гость. — Иду я вчера по улицѣ и вдругъ прямо передъ глазами домъ проваливается. Пискнулъ и провалился.

— Да что вы, — искренно удивляется хозяйка, — ну и времячко... Шурикъ... Шурикъ... Ты слышалъ, что Николай Сергѣичъ разска...

— Здравствуйтесь, Николай Сергѣичъ. Слышалъ. Инже-

неры жулики... что ни домъ, то панама... И крадутъ, и крадутъ... А потомъ дома проваливаются...

«Самъ жуликъ, — злобно думаетъ первоапрѣльскій гость, потому и не удивляешься. Еще что-нибудь скажу».

— Ну, какъ... Ничего? Погода-то какая?..

— Да, да, — спохватывается гость, — я и забылъ. Наводнение въ породѣ. Всю центральную часть затопило. Трамваи — вплавь, пассажиры со спасательными поясами. Особняки, какъ щепки, плаваютъ.

— Да что вы? — разсѣянно удивляется Шурикъ. — Вотъ такъ здорово... Вотъ тебѣ и городская управа смотреть. Выбираютъ ихъ, а они не смотрятъ...

— Подлецъ... — тихо шепчетъ гость. — Ишь, какъ побрился... Прoberешь тебя чѣмъ-нибудь...

— Можетъ чайку?

— Не надо. Я вчера триста тысячъ получилъ. Въ одинъ день. Сразу. И всѣ бумажками.

— Хлѣбомъ торгуете, или такъ чѣмъ — бумагой тамъ?..

— Такъ. Мексика Греціи войну объявила.

— Вчера?

— Сегодня. Триста броненосцевъ послала и всѣ съ кавалеріей. Два боя уже было.

— Скажите... Воюютъ, значитъ. Здорово.

— А я... а у меня... — задыхаясь отъ сдерживаемаго бѣшенства выцѣживаетъ гость, — а я вчера... Вѣрнѣе не я, а Китяковъ подъ трамвай попалъ...

— Жаль. Такое безобразіе на улицахъ. Носа высунуть нельзя. Того и смотри, что кто-нибудь наѣдетъ...

Терпѣніе гостя внезапно прерывается. Съ горящими отъ негодованія глазами, съ дрожащимъ подбородкомъ, блѣдный поднимается онъ съ мѣста и кричитъ:

— Вру я все... Не имѣете права вѣрить... День-то какой сегодня? Что? Первое апрѣля, мерзавцы... Вы не смѣете издѣваться надъ человѣкомъ...

— Николай Сергѣичъ... Голубчикъ... Успокойтесь.

— Я цѣлую ночь не спалъ, думалъ, а вы... А вы...

— Ну вотъ и слезы... Ну какой вы нервный... Хотите воды?

— Не надо мнѣ вашей паршивой воды... Вы не имѣете права... Я не позволю...

— Да въ чемъ дѣло?... Николай Сергѣичъ... Пойдите же... Такъ и головѣ вашей больно и штукатурка лупится. Осторожнѣе, здѣсь картина...

— Вѣдь вы же знали, что сегодня первое апрѣля... Вы же знали, подонки...

— Да вы ничего невѣроятнаго не рассказывали... Все такъ просто, ежедневно...

— Врешь, бритое животное... Нѣтъ на броненосцахъ кавалеріи...

— Да я же почему... Ну какой я стратегъ... Потому вы не имѣете права такъ...

— Имѣю. Все имѣю... А если бы я сказала, что я повѣсилъ третьяго дня...

— Молодежь такъ впечатлительна, Николай Сергѣевичъ... Можетъ, у васъ какой-нибудь неудачный романъ...

— Врешь... Не могъ я третьяго дня повѣситься.

— Ну, какъ знать... У меня былъ одинъ знакомый студентъ...

— Студентъ могъ... И ты можешь и она вотъ можетъ, а я нѣтъ... Не имѣешь права...

— Самъ врешь: имѣю. У меня одна семья есть. Бабушка — уксусной эссенціей, отецъ — изъ дробовика, старшій сынъ — только брюки на берегу оставилъ...

— Врешь... Не имѣешь права. И бабушка вретъ... Я такой же интеллигентный человѣкъ и не позволю...

Придя домой, гость ложится на кровать, обвязываетъ голову мокрымъ полотенцемъ и долго плачетъ.

* * *

И наконецъ настанетъ время, когда первоапрѣльскія шутки не будутъ отнимать времени и перейдутъ въ разрядъ чисто-официальныхъ обязанностей по отношенію къ добрымъ знакомымъ и непосредственному начальству.

На столикахъ у швейцаровъ будутъ лежать спеціальныя книги, гдѣ каждый изъ визитеровъ, немного подумавъ и посоветовавшись съ кѣмъ-нибудь изъ ожидающихъ лифта или у телефонной будки, станетъ вписывать придуманное.

«Былъ между 4 ч. 32 м. и 4 ч. 57 м. Выигралъ автомобиль. Нишукинъ уѣхалъ въ Африку. Женюсь на вдовѣ. Въ Саратовѣ — дождь изъ грибовъ».

С. Елизанскій».

«У меня новость. Изобрѣлъ особый аэропланъ, который можетъ говорить: папа-мама. Коля оказался поэтомъ и ходить въ цилиндрѣ».

В. В.».

«Не заставъ дома, увѣдомляю, что Шерлокъ Холмсъ существуетъ на самомъ дѣлѣ и живетъ въ мебелированныхъ комнатахъ здѣсь. У одного графа пропала изъ конюшни лошадь цѣной въ нѣсколько милліоновъ. Когда ее нашли, оказалось, что она посѣдѣла отъ неприятностей».

Борисъ П.».

Люди, которымъ совсѣмъ некогда, ограничатся просто посылкой телеграммъ или писемъ:

«Срочно. Троицкая, 15. Пинскому. Эйфелева подожжена Лондонѣ носятъ головахъ шкуры Кицынъ попалъ поѣздъ лично хвораю чахоткой».

«Офицерская, 11, Николаю Кетренку. Приходите десять захватите шпагу люблю наконецъ согласна мужъ уѣхалъ».

И прочитывая телеграммы, занятые люди, не теряя времени, могутъ спѣшно составлять компактные списки фамилій, помѣчая нѣкоторыя фамиліи крестиками.

— Не знаю, что около Пыркова ставить... Съ одной стороны такія телеграммы посылаетъ, а съ другой — и лицо умное и вѣжливый... Занесешь вотъ такъ въ идиоты, а потомъ окажется, что винтеръ хорошій, или музыкантъ... Пусть, какъ будто бы не обманывалъ...

Арк. Буховъ.

П Л Ъ Н Н И К Ъ .

Усталый день уходитъ за-море
Въ вечерней нѣжной тишинѣ.
Твой алый плащъ на бѣломъ мраморѣ,
Какъ кровь на тонкомъ полотнѣ.

Ты смотришь вдаль глазами сѣрыми
Въ тоскѣ томительныхъ часовъ
За уходящими галерами,
За вольнымъ бѣгомъ парусовъ.

Твоя мечта — нѣмая странница,
Принявъ въ себя печаль вѣковъ,
Бѣжитъ туда, гдѣ даль туманится,
Гдѣ таетъ пѣна облаковъ.

Дворецъ съ угрюмыми колоннами
Тебя сковаль въ своихъ цѣпяхъ.
Бѣги, зарезившій зелеными
Святыми травами въ степяхъ.

Бѣги, пока завѣсой черною
Не никнетъ даль, какъ знакъ судьбы,
Пока не ждутъ тебя покорные
Въ покояхъ царственныхъ рабы.

Пока зари печально-брезжущей
Въ волнахъ не прячется игра,
Пока не слышенъ голосъ нѣжащій
И властно-шепчущій: пора...

Свободной птицей взвѣй надъ путами.
И для врага есть смѣлый врагъ:
У темныхъ скалъ, томясь минутами,
На лодкѣ ждетъ тебя морякъ.

Судьба сурова лишь къ измѣннику;
Довѣрься силѣ грубыхъ рукъ —
И воля царственному плѣннику
Откроетъ дверь на первый стукъ.

Скорѣй! Подхваченный матросами
На борть чужого корабля,
Ты будешь рѣять съ альбатросами
Душой — и ждать: когда земля.

А тамъ, надъ свѣтлыми полянами,
Гдѣ обогрѣетъ тишина,
Излѣчишь травами медъянными
Нѣмую боль былого сна.

Арк Буховъ.

У Ч А Т С Я . . .

— А знаете, помоему, этимъ мальчишкамъ предстоитъ блестящее будущее!..

Н Е П О Н Я Т А Я Н А Т У Р А .

Одежда и обувь за последнее время повысились въ цѣнѣ на 300—400%...

Покупатель (робко): — Вы извините, господа, но мы, кажется, не поняли другъ друга: я стремлюсь одѣться, а вы меня раздѣваете!..

Рис. Н. Д.

ЗАЩИТА ОТЪ НЕСКРОМНЫХЪ ВЗОРОВЪ.

— Боюсь, не видно ли меня съ улицы... Хорошо еще, что я надѣла туфли не на высокихъ каблукахъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятія рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Тычинъ. — Тычина странно смотритъ на способы сообщенія въ столицѣ.

„Мнѣ кажется, г. редакторъ, что къ вамъ и на дикой козѣ не подъѣдешь“...

Дабы не приковывать всеобщаго вниманія, советуемъ вамъ избрать другое животное для разъѣздовъ по литературнымъ дѣламъ...

А. Б. К—цу. — К—ць, какъ человекъ болѣе скромный, возигъ своего героя на лошади, но и онъ допускаетъ, что попона — часть упряжи.

Кромѣ этой не совсѣмъ умѣстной попоны, разсказъ, вообще, не дышитъ привлекательностью.

Джиллю — Бимсу. — Стихи Джима вызываютъ вполне законное удивленіе:

„Я стою на часахъ
Межъ зелеными стогами,
И ясный мѣсяцъ въ небесахъ
Глядитъ на меня рогами“.

Не роговое это дѣло — глядѣть на человека.

Если и говорить: „глаза рогами лѣзутъ“, то это лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда — кто-либо написалъ плохіе стихи. Мѣсяцъ же трогать не нужно.

И дальше вы пишете:

„Кукушка мнѣ прокуковала,
Что буду жить я двѣсти лѣтъ...“

Человекъ вы терпѣливый, но крайне довѣрчивый. Со стихами мы поступили, какъ слѣдуетъ.

М. Олов—нову. — Этотъ авторъ описываетъ турецкаго плѣннаго:

„... Между впалыхъ глазъ выдавался его горбоносый носъ“.

Наши быстроглазые глаза усматриваютъ здѣсь неправильную неправильность.

Б. Провинція.

Астрахань. — Касперову. — Отрывокъ:

„На что мнѣ славы дымъ,
На что мнѣ слово брани,
Хочу я быть одинъ
Вдали отъ всякой драки...“

Вы сообщаете, что стишки эти „писались съ надрывомъ“.

Повѣрьте, что и прочтутся они тоже съ надрывомъ...

Въ заключеніе замѣтите: чесаться — одно, а причесываться — другое. Нельзя смѣшивать волосы съ поясницей...

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

4-й годъ изданія Продолжается подписка на 1916 годъ на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА 4-й годъ изданія

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

52 номера богато иллюстрированнаго красочными рисунками и карикатурами журнала большого формата.

Рисунки и текстъ лучшихъ русскихъ художниковъ и писателей.

3 КРОМѢ ТОГО, ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ **3** **БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМИИ:**

Одну обильно иллюстрированную книгу:

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РУССКОЙ КОНСТИТУЦІИ. Въ звучныхъ, мѣткихъ, какъ ударъ толедейской шпаги, стихахъ будетъ отражено все большее и маленькое, смѣшное и печальное, все бѣлое и черное, что произошло за эти удивительныя 10 лѣтъ.

„ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ НОВАГО САТИРИКОНА“. Если когда-нибудь существовало сомнѣніе въ томъ, что Сатириконцы заботились о своихъ читателей, какъ педиканы о своихъ дѣтяхъ, то теперь эти недостойныя сомнѣнія должны съ грохотомъ пасть. Сатириконцы отрываютъ лучшіе куски души своей и отдають ихъ читателямъ вате, кушайте!

Расширеніе умственного и научнаго кругозора нашихъ читателей есть первѣйшая работа руководителей журнала. Поэтому вниманію читателей предлагаются:

3 первыхъ выпуска „Вѣстника Знанія Новаго Сатирикона“.

1. ХРЕСТОМАТІЯ ГАЛАХОВА, примѣнительно къ взрослымъ.
2. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ. (Смѣшно, если бы мы остановились передъ грандіозностью задачи. Нужно — значить нужно. И нечего тамъ разговаривать.) 3. СПИРИТИЗМЪ И ОККУЛЬТНЫЯ НАУКИ. (Даже объ этомъ мы подумали.)

ТЕАТРЪ И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ. Альбомъ шаржей Работа знаменитаго художника РЕ-МИ (Н. Ремизова). Артисты. Критики Рецензенты. Драматурги и проч.

NB. Незнакомыхъ или неизвѣстныхъ лицъ въ этомъ альбомѣ не будетъ... Если даже кто-нибудь изъ таковыхъ и пошлетъ случ. лно въ альбомъ, то пребываніе такого лица въ этомъ альбомѣ уже сдѣлаетъ его извѣстнымъ, чѣмъ заданіе и будетъ выполнено.

ОТЪ КОНТОРЫ.

Будучи принципиальными врагами всякой трескучей рекламы, мы и на этотъ разъ хотѣли бы удержаться въ рамкахъ строгой литературности несмотря на то, что цѣль настоящаго объявленія — опредѣленная: подстрекнуть нашихъ читателей на присылку подписныхъ денегъ за нашъ журналъ.

Но... разъ литературность — мы должны быть скромны.

Позволимъ себѣ только привести дѣльное мнѣніе о подпискѣ на нашъ журналъ такого авторитета, какъ Грибоѣдовъ (слова Фамусова)

— Подписано и съ плечъ долой!

Авторъ этими словами ясно подчеркнул преимущественное положеніе подписчиковъ передъ розничными читателями, жизнь которыхъ полна хлопотъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи:		За границу:	
На годъ	8 р. — к.	На годъ	12 р. — к.
„ 1/2 г.	4 „ —	„ 1/2 г.	6 „ —
„ 3 мѣс.	2 „ —	„ 3 мѣс.	3 „ —
„ 1 мѣс.	— 70 „	„ 1 мѣс.	1 „ —

БЕЗЪ ДОСТАВКИ 6 РУБ. 80 КОП.

Допускается разсрочка: при подпискѣ — 3 руб., къ 1-му іюня — 2 р. и къ 1-му сентябрю — 1 р. 50 к. Для коллективныхъ подписокъ устанавливается особая льготная разсрочка, а именно: при подпискѣ — 2 руб. и ежемѣс. каждое 1-е число по 50 коп.

Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ — 20 коп.

Адресъ ред. и конт.: Петроградъ, Невскій, 88, Тел. 59-07.

Редакторъ: Арк. Аверченко.

Издатель: Т-во „Новый Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельныя
кабинеты.
Ресторанъ открытъ до 11 час.

ВЫТЯЖКА

ИЗ
СЪМЕННОХЪ
ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ **Д. КАЛЕНИЧЕНКО.**

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, безсонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ съменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченка для наблюдений высылается бесплатно. Обширная литература по требованію бесплатно. Одинъ флаконъ съменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 2 р. 75 к. пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—бесплатно. 20%-ый почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. * Адресъ: Органотерапевтич. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. кв. 290. Телегр. адр. Москва, Калефлюидъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Вытяжка изъ съменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленнымъ сперминомъ.

ФИЗИОЛОГІЯ И АНАТОМІЯ ЧЕЛОВѢКА.

Приложеніе:

ПСИХОЛОГІЯ ЧЕЛОВѢКА.

Составлено по источникамъ и такъ:
Арк. Аверченко, Арк. Буховъ, Георгій Ландау, Н. А. Тэффи. Иллюстр. Н. А. Тэффи.

Цѣна 1 руб. 25 к.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Аркадій Аверченко.

О МАЛЕНЬКИХЪ--ДЛЯ БОЛЬШИХЪ.

РАЗСКАЗЫ О ДѢТЯХЪ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЧУДЕСА ВЪ РѢШЕТѢ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

САТИРИКОНЦЫ ВЪ ЕВРОПѢ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

КРУГИ ПО ВОДѢ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

О хорошихъ, въ сущности, людяхъ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ВОЛЧЬИ ЯМЫ.

Цѣна 60 коп.

Аркадій Буховъ.

ЖУКИ НА БУЛАВКАХЪ.

Цѣна 1 руб. 25 к.

Тэффи.

НЕЖИВОЙ ЗВѢРЬ.

Цѣна 1 р. 50 к.

И СТАЛО ТАКЪ.

Цѣна 1 р. 50 к.

КАРУСЕЛЬ.

Цѣна 1 р. 50 к.

НИЧЕГО ПОДОБНАГО.

Цѣна 1 р. 50 к.

ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ.

Цѣна 1 руб. 25 к.

Владиміръ Воиновъ.

Солнечные рассказы.

Цѣна 1 р. 25 к.

Письмовникъ „Новаго Сатирикона“.

Текстъ: — Арк. Аверченко, Арк. Бухова, Евг. Вѣнскаго, Е. Дольскаго, Г. Ландау.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ВЪ АДУ.

Вельзевулъ: — Устарѣли всѣ эти котлы, кипящая смола, огонь... создай что-нибудь болѣе ужасное, поди поучись у нѣмцевъ подѣ Верденомъ.